

АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ:

ТРУДНОЕ РАССТАВАНИЕ С «ФРАНСАФРИК»

2024

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ФРАНЦИИ:
ТРУДНОЕ РАССТАВАНИЕ
С «ФРАНСАФРИК»**

Ответственный редактор:
к.полит.н. С.М. Фёдоров

Москва
Институт Европы РАН
Издательство «Весь Мир»
2024

УДК 327(44)
ББК 66.4 (4Фра)
Е 24

Е24 **Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик»** / Институт Европы РАН. Москва: Институт Европы РАН, Издательство «Весь Мир», 2024. — 40 с.

ISBN 978-5-98163-212-9 (ИЕ РАН)
ISBN 978-5-7777-0937-0 (Весь Мир)

Аналитический сборник, подготовленный Центром французских исследований Института Европы РАН, содержит взгляды ведущих отечественных специалистов на тему «Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик»». Участники научной публикации затронули широкий круг вопросов, касающихся данного направления внешней политики Пятой республики. Показаны многогранный характер проблемы, объективная природа снижения роли Парижа на Африканском континенте.

УДК 327(44)
ББК 66.4 (4Фра)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-98163-212-9 (ИЕ РАН)
ISBN 978-5-7777-0937-0 (Весь Мир)

© Институт Европы РАН, 2024

Черeda госпереворотов в ряде африканских государств, произошедших в последние несколько лет (Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Габон), в результате которых к власти пришли новые военно-политические элиты, разорвавшие с Францией давно сложившиеся отношения, значительно ослабили геополитические, военные и экономические позиции Парижа в традиционной зоне французского влияния – регионе Сахеля и Западной Африки в целом.

Решение президента Э. Макрона о выводе французского военного контингента из Нигера, отзыв по требованию новых властей этой страны посла Франции, несмотря на первоначальные угрозы Парижа силовым путём восстановить там конституционный порядок, воспринимаются как геополитическое поражение Франции и символическое завершение периода длительного распада т.н. политики «Франсафрик» – системы косвенного контроля над бывшими колониями на Африканском континенте.

Авторы научной публикации провели комплексный анализ произошедших событий, рассмотрели различные аспекты африкано-французских отношений, современной африканской политики Франции и определили её возможную эволюцию на фоне стремительно меняющегося мирового порядка.

Содержание

<i>Рубинский Ю.И.</i> Агония «Франсафрик»	5
<i>Обичкина Е.О.</i> Российско-французское соперничество в Африке.	7
<i>Зверева Т.В.</i> Переосмысление итогов колониального прошлого во Франции, Бельгии и Германии	10
<i>Брегадзе А.В.</i> «Мягкая сила» как средство содействия мирному развитию на примере франко-африканского взаимодействия	13
<i>Наумова Н.Н.</i> Фактор франкофонии в африканской политике деголлевской Франции	15
<i>Чихачев А.Ю.</i> Африканская стратегия Эммануэля Макрона глазами экспертно-аналитического сообщества Франции	18
<i>Минаев М.В.</i> Организация работы на африканском направлении администрации Э. Макрона	22
<i>Барсукова А.В.</i> «Амбисьон-Африк» президента Макрона: возможности для нейтральности Франции в Африке	26
<i>Сальников В.И.</i> Межэтнические конфликты в странах «Франсафрик» – потестарное наследие или порождение неоколониализма?	28
<i>Фёдоров С.М.</i> Военное присутствие Франции в Африке: уйти, чтобы остаться?	30
<i>Жидкова А.В.</i> Африканский вектор внешнеполитической программы М. Ле Пен: франкофония без «Франсафрик»	34
Заключение	36
Авторы	37

АГОНИЯ «ФРАНСАФРИК»*

Рубинский Ю.И.

Вторая в мире по площади и населению после британской колониальная империя Франции, расположенная на всех континентах — в Карибском бассейне, Северной, Западной и Экваториальной Африке, Южной Америке, Юго-Восточной Азии, на островах Тихого океана и даже на части Антарктиды (до подписания договора об Антарктиде в 1959 г.), сложилась с XVIII в. до начала XX в. Стимулом к её созданию и расширению стали неудачи в многовековой борьбе за гегемонию в Европе сначала с Великобританией, затем Германией.

Между тем экономическое освоение ресурсов французских заморских владений (инвестиции, рынки) было менее интенсивным, чем британских. Приток колонистов и капиталов в заморские владения был ограниченным — он приобрёл более или менее значительный масштаб только в Северной Америке, утраченной в XVIII в. (Квебек), а с концом наполеоновских войн и в Северной Африке (Алжир), что было несравнимо с массированными британскими переселенческими волнами в той же Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке.

Разгром и капитуляция Франции в 1940 г. на начальном этапе Второй мировой войны глубоко дискредитировали метрополию в глазах её заморских подданных, подавляющее большинство которых не имело французского гражданства и требовало независимости. В таких условиях распад французской колониальной империи приобрёл болезненные формы двух длительных, кровопролитных и неудачных войн в Индокитае (1946–1954), затем в Алжире (1952–1962), которые грозили перерасти в гражданскую в самой метрополии.

Мятеж французских ультраколониалистов в мае 1958 г., поддержанный частью дислоцированных в Алжире вооружённых сил под лозунгом сохранения империи любой ценой, привёл к обратным результатам. Пришедший к власти генерал де Голль, который создал во Франции полупрезидентский режим Пятой республики, взял курс на предоставление Алжиру права на самоопределение. Это привело к цепной реакции признания политической независимости и суверенитета почти всех бывших владений Франции.

Однако на смену прямому колониальному господству пришла система косвенного экономического, политического, военного контроля, получившая название «Франсафрик». Её создателем в 1960–1974 гг.

* В основу данных тезисов положена аналитическая записка ИЕ РАН № 321 (<http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2023/an321.pdf>)

На смену прямому колониальному господству пришла система косвенного экономического, политического, военного контроля, получившая название «Франсафрик»

был один из близких соратников де Голля Жак Фоккар.

Сын владельцев плантаций бананов на острове Гваделупа в Карибском бассейне, ставшем в 1946 г. заморским департаментом Франции, и сам активный бизнесмен-экспортёр ресурсов заморских владений (лес, нефть), а затем руководи-

тель спецслужбы голлистской партии, он был назначен в 1960 г. генеральным секретарём Елисейского дворца по делам Африки и Мадагаскара, который напрямую решал все вопросы сотрудничества с бывшими заморскими владениями через своих чиновников. При этом широко использовались методы коррупции и террора, что крайне ограничивало процесс формирования профранцузских элит на местах. В большинстве государств «Франсафрик» власть оказывалась в руках коррумпированных диктаторов (причём нередко наследственно от отца к сыну), принимавших порой карикатурную форму, наиболее ярко воплотившуюся в лице президента ЦАР Жана-Ноэля Бокассы, который провозгласил себя императором, пока не был свергнут с помощью дислоцированных там французских войск.

Важную роль в становлении «Франсафрик» сыграла развязанная организациями фундаменталистского ислама типа «Аль-Каиды» У. Бен Ладена волна международного терроризма, высшей точкой которого стали масштабные теракты 11 сентября 2001 г. в США, а отчасти и во Франции. Под этим предлогом в 2013 г. французские войска были направлены в Мали по приглашению его тогдашнего правительства для противодействия фундаменталистским исламистским террористам, опиравшимся на племена туарегов в Сахаре. Впоследствии аналогичные миссии взяли на себя французские военные контингенты в остальных странах Сахеля — Буркина-Фасо, Нигере, Чаде и Мавритании. Тем не менее эффективность взаимодействия этих контингентов с местными вооружёнными силами африканцев становилась всё более низкой, ввиду чего на Париж возлагалась ответственность за все экономические и прочие трудности стран приёма.

26 июля 2023 г. в Нигере — одном из франкоязычных государств региона Сахель (Западная Африка) — произошёл военный переворот, руководитель которого генерал Тиани возглавил самопровозглашённый «Национальный совет защиты Отечества» (CNSP) и объявил об отстранении от власти избранного ранее президента Мохаммеда Базума. Первыми же решениями нового руководства страны являлись денонсация соглашений о сотрудничестве с Францией в борьбе против террора исламистского джихадизма, высшей точкой которого стали масштабные теракты 11 сентября 2001 г. в США, отчасти затронувшие и Францию, о выводе 1,5 тыс.

французских военнослужащих, ликвидация их баз и выдворение посла Франции С. Итте. В столице Нигера Ниамее прошли массовые демонстрации под антифранцузскими лозунгами в поддержку этих требований. Это не было неожиданностью — за последние годы подобные события уже имели место в соседних государствах Сахеля — Мали, Буркина-Фасо, а также Экваториальной Африки — Гвинее, ЦАР, Кот-д’Ивуаре, Габоне.

В поисках поддержки партнёров по Евросоюзу и НАТО французское руководство возложило ответственность за сложившуюся ситуацию на Россию и Китай, в частности, связав ее с деятельностью военных специалистов ЧВК «Вагнер» или политтехнологов «фабрики троллей» Е. Пригожина, а также на инвестиции КНР в инфраструктурные проекты в Африке, финансируемые в кредит. Кризис в Нигере вписывался бы тем самым в контекст общего противостояния либерал-глобалистского «коллективного Запада» во главе с США под флагом защиты демократии и прав человека от угроз со стороны авторитарных режимов.

Однако попытки французских правящих кругов искать решение проблемы в масштабах и на границах всего Евросоюза не дают пока сколько-нибудь убедительных результатов. Между тем стремление заручиться поддержкой африканских стран — доноров миграционных потоков через Средиземное море в обмен на обещание экономической помощи не находит ответа, тем более что к власти в этих странах в итоге цепной реакции военных переворотов пришли представители нового поколения, возлагающие всю полноту ответственности за кризис иммиграции на бывшие колониальные державы и ищущие поддержку у России, КНР и стран «глобального Юга».

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В АФРИКЕ

Обичкина Е.О.

Российско-французское соперничество в Африке — тема даже не обновлённая, а новая в приоритетной повестке дня отношений Парижа и Москвы. И в советское время, даже в период войны в Алжире, и в постсоветский период отечественная дипломатия стремилась избежать столкновения интересов в этой «заповедной зоне» французского влияния ради развития сотрудничества с одним из важнейших западных партнёров, подчиняя свою африканскую политику приоритетным европейским делам.

Начиная с 2014 г. стратегические интересы Франции и России настолько разошлись, что Россию в переориентации её геополитики «к тёплым морям» перестали сдерживать прежние приоритеты европейского сотрудничества, особенно на фоне острых франко-российских разногласий в СБ ООН по сирийскому вопросу. После неудачных попыток осени 2015 г., на фоне терактов в Париже, привлечь Францию к тесному взаимодействию в борьбе с террористическим ИГИЛ (запрещённым в России) Москва действовала в формате двусторонних отношений с правительствами, разделявшими с ней понимание джихадистской угрозы и способов её отражения, в том числе в Африке.

Военная операция НАТО в Ливии в 2011 г. по свержению М. Каддафи, одним из инициаторов которой был Н. Саркози, разрушила стратегическую стабильность в Африке южнее Сахары. Сахель стал стратегическим центром наступления вооружённых исламистских группировок, что усугубило тяжёлое экономическое положение и угрожало государственности стран региона, обострило проблему беженцев из кризисных районов. Ужесточение политики в этой сфере во Франции способствовало обострению противоречий и с социумами, и с правительствами африканских стран.

В борьбе с джихадистами в Африке Франция делала ставку на тесное военное сотрудничество в рамках ЕС и НАТО, при этом стимулируя страны Сахельской пятёрки (Буркина-Фасо, Чад, Мали, Мавритания, Нигер) принять на себя бóльшую долю ответственности в деле обороны, что не соответствовало их реальным возможностям и рождало подозрения

По сути, Франция в Африке сталкивается с той же войной памяти, что и Россия на постсоветском пространстве

в желании Парижа уклониться от взятых на себя обязательств. Таким образом, усилия Франции по стабилизации ситуации имели обратный эффект. Ограниченные силы Франции, даже с привлечением контингентов НАТО и ЕС*, избирательность их применения, в глазах африканцев, были недостаточно эффективны в борьбе

с террористами, зато продолжали обслуживать интересы бывшей метрополии, её компаний и её клиентов. Через 60 лет после деколонизации колониальный комплекс африканских народов не только не преодолен, но обострился с новой силой. По сути, Франция в Африке сталкивается с той же войной памяти, что и Россия на постсоветском пространстве, и трудно выйти из этой колеи. Стиль поведения французских руководителей с африканцами задевает их гордость. Франция довольно быстро стала терять своих клиентов. На сегодня три правительства Сахельской пятёрки (Буркина-Фасо, Мали, Нигера) отказались от пребывания французских войск на своей территории.

* ЕС принял в 2020 г. африканскую стратегию. Своя стратегия с 2023 г. есть у Германии.

Между тем, активно действуя в Сирии, а затем – в Ливии и ЦАР, Россия быстро расширяла круг заинтересованных в ней африканских государств и географию военно-политического и экономического сотрудничества в франкофонной Африке. 2017–2019 гг. были отмечены впечатляющими успехами. Наступление России в Африке шло по трём главным направлениям. Первое – взаимодействие в области безопасности через подписание договоров о военном сотрудничестве. Второе направление – экономическое сотрудничество – сильно уступает по эффективности, размаху инвестиций и масштабам китайскому, но за счёт повышения уровня конкуренции в регионе в стратегически важных для Франции сферах (уран, ядерная энергетика, нефть, золото) нарушает французскую монополию, создаёт свободу манёвра для африканских стран, лавирующих между крупными игроками. Третьим направлением является «идеологическое наступление». Новая идейная

Россия и африканцы едины в защите суверенных прав государств, в противовес неолиберальному прочтению суверенитета

основа этого наступления – отражённая в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. самоидентификация в качестве преемницы антиколониальной линии политики СССР. Это импонирует африканцам. В Африке с советских времён сформировалась многочисленная русофильская африканская элита, из числа студентов, подготовленных в советских вузах в рамках помощи освободившимся от колониализма странам. Россия и африканцы едины в защите суверенных прав государств, в противовес неолиберальному прочтению суверенитета, продвигаемому Западом с 1992 г. и отстаивающему право на внешнее гуманитарное вмешательство. Французская дипломатия развернула контрнаступление: в 2021 г. она инициировала антироссийские санкции ЕС против компаний и лиц – проводников российских интересов в Африке, обвинив Россию в злонамеренных действиях под предлогом помощи африканским государствам, нацеленных на установление контроля над их богатствами*. Главная претензия состоит в том, что Россия хотя и присутствует по официальному приглашению правительств в Африке, но использует не ВС РФ, а ЧВК, которые действуют вне правового поля.

Таким образом, сегодня преимущество в новом «сражении за Африку» на стороне России, и в настоящих международных условиях это напоминает возвращение к игре с нулевой суммой. Сегодня для африканских социумов более убедителен тот факт, что 60 лет политики помощи разви-

* Christopher Fomunyoh : “Tant que Le Drian et Maïga seront aux affaires, ce sera dur de réconcilier la France et le Mali”. jeune afrique. 12.02.22. URL : <https://www.jeuneafrique.com/1311403/politique/christopher-fomunyoh-tant-que-le-drian-et-maiga-seront-aux-affaires-ce-sera-dur-de-reconcilier-la-france-et-le-mali/> (дата обращения: 01.02.2024).

тию не привели к кардинальному улучшению социально-экономического положения бывших французских владений, не компенсировали народам франкофонной Африки исторической утраты — автохтонного естественного развития социумов и государств. Французские военные операции по борьбе с джихадистскими группировками имели ограниченные результаты, не приведя к их уничтожению и не сдержав их разрастания. Таким образом, до сих пор время работало против Франции, но теперь оно может работать против России, поскольку стабильность и благосостояние Африки требуют гигантских экономических и военно-политических усилий и внешних, и внутренних игроков.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИТОГОВ КОЛОНИАЛЬНОГО ПРОШЛОГО ВО ФРАНЦИИ, БЕЛЬГИИ И ГЕРМАНИИ

Зверева Т.В.

В последнее время бывшие колониальные державы Европы, включая Францию, вынуждены уделять повышенное внимание переоценке колониального прошлого. Указанная проблематика имеет для них как существенные внутренние (растущее давление со стороны потомков мигрантов — выходцев из бывших колоний, укрепление крайне правых партий, опирающихся на неоколониальную риторику и др.), так и важные внешние аспекты (необходимость развивать отношения с бывшими колониями, переформатировать связи с этими странами с тем, чтобы противостоять усиливающимся конкурентам и сохранять там влияние в условиях ограниченности финансовых и военных ресурсов). Ситуация в этой сфере существенно меняется от страны к стране. Вместе с тем, несмотря на страновую специфику, всех их объединяет стремление найти новые формы взаимодействия с бывшими колониями.

Важным направлением стало переосмысление историками этих стран колониального прошлого. Учёные из Европейского союза активно продвигают так называемые перекрёстные исследования сложных процессов прошлого, привлекая специалистов из бывших колоний для совместных исторических исследований. Эти работы получают финансовую и организационную поддержку со стороны ЕС. Цель — совместно выстроить новые концепции, которые позволили бы создать реальную общую историю.

В трудах европейских исследователей можно встретить не только признание, но и осуждение жестоких методов, применявшихся колонизаторами в прошлом, фактическое признание вины европейцев перед странами и народами, прежде всего, Африканского континента. Критике подвергается так называемое универсальное западное знание. Подчёркивается, что литературные и научные тексты отражают не столько реальный Восток, сколько западные представления о нём: Восток выглядит «отсталым» и «застойным», в то время как Запад неумолимо «стремится к прогрессу». При этом европейские исследователи отмечают, что недостаточно просто изучать колониальное прошлое, концентрируясь на ужасах и жестокости, сотворённых европейцами в колониях в прошлом. Для того, чтобы действительно освободиться от этого тяжёлого шлейфа, необходимо показать реальное место колониального периода в истории того или иного государства и как бы «рационализировать» негативные воспоминания.

Вместе с тем выстраивание общих исторических концепций сопряжено с преодолением многих трудностей. Во-первых, отделить исследования доколониального прошлого от непосредственно колониального периода часто бывает очень сложно. Во-вторых, местные письменные источники об этих периодах развития нередко полностью отсутствуют просто в силу того, что народы бывших колоний не имели письменности. Отсутствие местных письменных источников препятствует полноценному изучению мало исследованных локальных процессов, имевших место в бывших колониях, и большинство проводимых исследований носит отпечаток европейского восприятия тех или иных фактов и событий. В-третьих, трактовка проблем «исторической памяти» нередко обретает политическую окраску, что также затрудняет формирование новых общих для бывших колонизаторов и бывших колоний представлений о прошлом.

Наряду с вопросами совместных исторических исследований в центре внимания сегодня находится тема возмещения финансового ущерба и реституции вывезенных в прошлом из колоний культурных ценностей. Однако решение этих проблем сталкивается с определёнными препятствиями, а сам процесс реституции продвигается довольно медленно. Материальная сторона вопроса вызывает острые споры: из-за давности лет оказалось крайне сложно даже просто оценить и внести какие-то реальные предложения по возмещению финансовых потерь.

Хотя в целом общественное мнение европейских стран положительно настроено по отношению к реституции ценностей, что получило отражение в сфере официальной политики, в европейских СМИ

В трудах европейских исследователей можно встретить не только признание, но и осуждение жестоких методов, применявшихся колонизаторами в прошлом

можно встретить и разнонаправленную критику в адрес властей по этому вопросу. Так, одни отмечают, что колониальные державы смогли не только вывезти, но и сохранить сотни тысяч музейных экспонатов, что было бы невозможно без их перемещения из бывших колоний. Там до сих пор условия музейного хранения сильно уступают тем, которые созданы в Европе. В этой связи подчёркивается, что возвращение ценностей может обернуться их полной утратой. Другие же, наоборот, полагают, что сам по себе процесс передачи ценностей проходит слишком медленно и его необходимо максимально ускорить.

Ярким примером стала дискуссия между сторонниками и противниками реституции, продолжающаяся не один год во Франции. Приводимые сторонами аргументы и контраргументы обогащают и расширяют представления о сложной французской политической системе, вполне соответствуя основным линиям раскола внутри французского общества по другим вопросам. С одной стороны, несколько ослабленные сегодня левые традиции, тем не менее, по-прежнему напоминают о себе, а политические силы, делающие на них ставку, требуют от правительства пойти как можно дальше — принести бывшим колониям официальные извинения и как можно скорее возместить ущерб. Деловой мир Европы также настроен в пользу этого сценария, полагая, что его реализация приведёт к дальнейшей нормализации отношений Франции с бывшими колониями, станет дополнительным триггером торгово-экономических связей. Сторонники этой точки зрения также считают, что возмещение ущерба будет способствовать налаживанию конструктивных связей с бывшими колониями и в этой связи — лучше контролировать миграционные потоки, накрывающие европейские страны. Они также полагают, что необходимо учитывать мнение 20% избирателей — потомков мигрантов, в том числе из бывших колоний Франции, в целом заинтересованных в нормализации двусторонних связей. С другой стороны, в последние годы растёт число французов, придерживающихся противоположной позиции. Они поддерживают правую и крайне правую риторику, направленную против возмещения ущерба. Некоторые утверждают, что бывшие колонии не пострадали, а, наоборот, даже выиграли от длительного контакта с представителями «более высоких цивилизаций».

В целом, можно говорить о стремлении европейских политиков при помощи, в том числе, историков нащупать почву для совместной переоценки колониального прошлого, а также возместить ущерб бывшим колониям, что должно постепенно создавать благоприятные условия для взаимодействия с ними в новых международных условиях. Вместе с тем несмотря на ярко выраженное стремление европейских держав отказаться от старых, изживших себя подходов к отношениям с бывшими колониями, этот процесс сталкивается с определёнными трудностями, протекает неровно и всё ещё находится в самом начале своего развития.

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК СРЕДСТВО СОДЕЙСТВИЯ МИРНОМУ РАЗВИТИЮ НА ПРИМЕРЕ ФРАНКО-АФРИКАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Брегадзе А.В.

«Мягкая сила» как инструмент внешней политики приобрела особую актуальность после распада мировой колониальной системы, когда бывшие колониальные державы озаботились тем, как мирными средствами удержать в сфере своего влияния их бывшие африканские колонии, провозгласившие независимость в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого столетия. Одной из неоколониальных держав, которой это удавалось до недавнего времени наиболее успешно, являлась Франция.

Так, благодаря активизации политики франкофонии (распространение в мире французского языка и французской культуры), ставке на оказание содействия местному населению, прежде всего элитам, в гуманитарной сфере (образование, здравоохранение) ей удалось сохранить приоритетное влияние в своих бывших колониях, а, главное, – лояльность франкоязычных элит. Этот подход к политике в бывших колониях был закреплён Францией в доктрине «Франсафрик», окончательно сформировавшейся при президенте Ш. де Голле. Важную роль в этом сыграл его сподвижник Ж. Фоккар, занимавший в 1960–1974 гг. пост генерального секретаря президента по делам Африки и Мадагаскара («Франсафрик» всегда находилась в поле пристального внимания президентов Франции).

На первых порах эта доктрина реализовывалась вполне успешно, хотя изначально для неё были характерны закрытость, склонность к конспирации. Тем не менее в африканской политике Франции в рамках доктрины «Франсафрик» наблюдались определённая гибкость, стремление адаптироваться к новым вызовам времени. Так, в системе МИД Франции на определённом этапе была создана Генеральная дирекция по вопросам сотрудничества (с бывшими колониями), затем отдельное Министерство развития (эта структура неоднократно меняла свой статус). В обиход французской дипломатии прочно вошёл тезис о «помощи развитию». Была создана специальная экономическая зона с введением в бывших французских владениях в Западной и Экваториальной Африке специальной денежной единицы – африканского франка (франк КФА, CFA), что на деле лишь усилило их экономическую зависимость от бывшей метрополии.

Одновременно активизировалась политика Франкофонии. В частности, Франции удалось инициировать в 1970 г. создание Международной

организации франкофонии (МОФ) с целью «фиксации и распространения французского языка и общечеловеческих ценностей в мире». В неё входят 54 полноправных, 7 ассоциированных и 27 государств со статусом наблюдателей. В настоящее время МОФ охватывает более 300 млн чел., большинство которых проживает на Африканском континенте.

Франция всё же не отказывалась и от военной составляющей «Франсафрик», подписав в период с 1960 по 1974 г. соглашения об обороне с 27 африканскими государствами, причём на территории 20 из них

На фоне объективно обострявшейся международной борьбы за влияние в Африке Франция всё чаще прибегала к военной силе, инициировала госперевороты, военные операции

была предусмотрена правовая возможность для создания военных баз. На фоне объективно обострявшейся международной борьбы за влияние в Африке Франция всё чаще прибегала к военной силе, инициировала госперевороты, военные операции.

Одновременно всё осложнявшаяся реализация доктрины «Франсафрик» сопровождалась коррупционными скандалами, что особенно способствовало росту критики в её адрес как внутри страны, так и за рубежом, негативно сказывалось на имидже Франции как в её бывших колониях, так и в мире.

Наиболее ярко недовольство реализацией доктрины «Франсафрик» проявилось в публичном обращении в августе 2023 г. 94 сенаторов Франции к президенту Э. Макрону, в котором они призвали пересмотреть политику Франции в Африке, выразили озабоченность ослаблением её экономического, военного и гуманитарного влияния на этом континенте при одновременном усилении роли России, Китая и США, а также размыванием позиций французского языка в мире по сравнению с английским.

Одновременно в электронных СМИ стали всё чаще появляться материалы с весьма радикальными заявлениями различных французских политиков, политологов, аналитиков, вопрошавших «Почему Франция превратилась в колонию своих колоний?», предрекавших крах доктрины «Франсафрик», требовавших «начать всё с нуля» и т.п.

Причин потери влияния Франции в Африке (и не только) множество, но главная из них – появление на международной арене новых сильных экономических игроков конкурентов, например стран-членов БРИКС. Всё больший интерес к Африке проявляют США, Турция. Однако лидерство явно принадлежит Китаю. Это в значительной степени объясняет и снижение влияния французского языка в Африке и мире, объективно уступающего свои позиции не только английскому, но и китайскому, испанскому, русскому, арабскому языкам. Кстати, во многих африканских странах укрепляют свои позиции местные языки и диалекты.

Этот феномен во многом связан с тем, что новые элиты бывших французских колоний не ограничиваются лишь французской системой

образования, расширяя и углубляя его в странах-конкурентах Франции, где оно, к тому же, может быть для них не только привлекательнее, но и доступнее. Более того, лидеры новых африканских элит, включая выходцев из бывших французских колоний, всё активнее призывают к справедливости, развитию более равноправных международных отношений во всех областях, прежде всего экономических. И, наконец, чем больше Франция прибегает к военным методам достижения своих целей в бывших колониях в ущерб «мягкой силе», тем больше она стимулирует отторжение её восприятия местным населением, причём как элитами, так и обществом в целом, представляя в их глазах опасным агрессором. Естественно, что конкуренты Франции через СМИ, другими средствами, в том числе «мягкой силы», способствуют дальнейшему ухудшению её имиджа как в Африке, так и на международной арене.

Игнорирование «мягкой силы» в угоду военным средствам опасно, сверхзатратно, и, следовательно, контрпродуктивно. Африку необходимо рассматривать как континент перспективного и взаимовыгодного международного сотрудничества за счёт разработки и реализации совместных международных экономических и гуманитарных проектов (в том числе с привлечением ЮНЕСКО), способных стать локомотивом реального, более гармоничного развития африканских стран. Такие подходы могли бы положительно сказаться на других мировых процессах, связанных, например, с нелегальной миграцией, международным терроризмом, наркотрафиком, религиозным экстремизмом.

Причин потери влияния Франции в Африке множество, но главная из них – появление на международной арене новых сильных конкурентов

ФАКТОР ФРАНКОФОНИИ В АФРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ ДЕГОЛЛЕВСКОЙ ФРАНЦИИ

Наумова Н.Н.

На рубеже 1950–1960-х гг. в ходе процесса деколонизации Франция утратила свои колониальные владения в Африке: в 1956 г. получили независимость Тунис и Марокко; «год Африки» (1960) закончился появлением 14 молодых самостоятельных государств (бывших французских колоний);

5 июля 1962 г. была провозглашена независимость Алжира. Для того чтобы сохранить своё привилегированное положение в обрётших самостоятельность африканских странах, при этом не ущемляя их суверенитет, деголлевская Франция искала внешнеполитические методы, основанные не на военной силе и политическом подчинении, а на французских гуманистических ценностях, многовековых достижениях её культуры и торгово-экономическом сотрудничестве. Утвердившаяся в большинстве африканских государств лояльная к Парижу политическая элита (например, президенты Ф. Уфуэ-Буаньи в Кот-д'Ивуаре, Л.С. Сенгор в Сенегале, Х. Бургиба в Тунисе, А. Диори в Нигере) поддерживала политику франкофонии, которая позволила молодым африканским государствам повысить культурный и образовательный уровень населения, построить национальные политико-управленческие структуры, добиться роста и диверсификации экономики. Одновременно она обеспечивала Франции доминирующее влияние в сферах образования, культуры, здравоохранения, науки и техники молодых государств.

Другим механизмом удержания африканских колоний в сфере французского влияния являлась система «Франсафрик», созданная первым президентом Пятой республики де Голлем. Опиравшаяся на двусторонние договоры о сотрудничестве, подписанные с африканскими государствами при обретении ими независимости, она позволила Франции долгое время сохранять практически монопольные позиции в выработке экономической стратегии её бывших колоний через систему торговых соглашений и их участие в создании Францией «зоны франка». А наличие французских воинских контингентов (например, в Сенегале, Нигере, Чаде, Кот д'Ивуаре, Мадагаскаре) объявлялось гарантией устойчивости молодых политических режимов в Африке и защищённости территории бывших французских колоний от любой внешней агрессии.

Франкофония как идейная основа внешней культурной политики рассматривалась французским правительством в качестве способа обеспечить продвижение политических и экономических интересов Пятой республики в постколониальном мире с помощью «мягкой силы»; стать здесь бастионом защиты собственных политических позиций, по образному выражению С.И. Косенко, своеобразным «гуманистическим противовесом стандартизации и вульгаризации национальной культуры на англосаксонский манер»*. Речь шла о том, чтобы воздвигнуть в Африке барьер на пути культурно-политической и экономической экспансии сверхдержав (и Китая) в регионы традиционного французского влияния, которая усилилась на рубеже 1960–1970 гг. Культурное воздействие

* Наумова Н.Н., Зинченко И.А. Можно ли назвать политику франкофонии проявлением неокOLONИализма (на примере внешней культурной стратегии Франции в 60-е гг. XX в.) // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 6. С. 93.

Франции опиралось здесь на присутствие более 20 тыс. преподавателей, экспертов, специалистов.

В годы президентства Ш. де Голля и Ж. Помпиду происходит институционализация франкофонии как на государственном, так и на международном уровнях. Успешно функционирует Генеральная дирекция по культурным и техническим

связям — департамент образования при МИДе, отвечавший за внешнюю культурную политику и нацеленный на развитие французского языка за рубежом как гарантии сохранения и расширения влияния Франции в различных регионах мира и свидетельства универсальности его и французской культуры в целом. Генеральная дирекция занималась также обеспечением и обучением кадров для организации административной власти в молодых африканских государствах, испытывавших дефицит в собственных специалистах. Например, в Марокко в 1960-е гг. 90% руководителей в сфере высшего образования являлись французами. Расходы на их наём становились непосильным грузом для африканских стран. Пятой республике приходилось тратить огромные суммы на осуществление программ в рамках «политики сотрудничества», но отказаться от «прямой помощи» африканским странам было невозможно: это противоречило двусторонним соглашениям о сотрудничестве и могло подтолкнуть их руководство к обращению за финансовой поддержкой к другим иностранным государствам — ситуация, недопустимая с точки зрения национальных интересов Франции и деголлевской «политики величия», к тому же подрывающая экономическое и языковое положение Республики в регионе.

Международная институционализация франкофонии произошла в 1970 г. с появлением по инициативе президентов Л.С. Сенгора и Х. Бургибы, выдвинутой ими в 1966 г., Агентства культурного и технического сотрудничества, АКТС (Agence de coopération culturelle et technique, АССТ), преобразованного в 2005 г. в Международную организацию франкофонии, МОФ (Organisation internationale de la Francophonie, OIF). Де Голль, приветствуя в целом идею учреждения «центральной организации франкофонии», всё же опасался возможных обвинений в неокOLONIALИЗМЕ и не торопился с её созданием. Возникшее уже в президентство Ж. Помпиду Агентство (22 государства, из них 15 — африканские) высказалось за укрепление позиций франкоговорящих стран на мировой арене, совместное решение их геополитических задач, организацию многостороннего тесного сотрудничества в технической и культурной областях. Франции всё же не удалось избежать упреков в использовании «новых форм эксплуатации» бывших колоний. Но отцы-основатели АКТС, среди которых преобладали дружественно настроенные к руководству Пятой республики

Франкофония как идейная основа внешней культурной политики рассматривается французским правительством в качестве способа продвижения интересов Пятой республики

африканские политические лидеры, отрицали существование французского неокOLONиализма, обещая своим странам максимально возможную выгоду от сотрудничества с Францией. Политика франкофонии, по их уверениям, позволяла выстраивать отношения с бывшей метрополией на партнёрских началах, а французская культура провозглашалась общим достоянием и частью африканской истории.

Учреждение международной франкофонии, как и проведение внешней культурной политики, основанной на идеях франкофонии как «общности населения или стран, в которых французский язык является либо государственным, либо языком общения всего населения или его части» (М. Тетю), напрямую отвечали национально-государственным интересам Франции. Франкофония способствовала повышению её роли в постколониальном мире, но и опосредованно международного престижа Республики в условиях биполярности; позволяла ей позиционировать себя державой с региональной ответственностью, претендовавшей на сохранение Чёрного континента в качестве традиционной «заповедной зоны» французских интересов.

АФРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА ГЛАЗАМИ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ФРАНЦИИ

Чихачев А.Ю.

Констатируемый сегодня кризис африканской стратегии Франции, несомненно, имеет множество измерений. С одной стороны, на фоне неудачной операции «Бархан» (2014–2022) происходит сокращение военно-политических возможностей Парижа, его способностей выступать в качестве поставщика безопасности. С другой стороны, в свете широкого распространения по Западной Африке антифранцузских настроений налицо недостаточно эффективное использование ресурсов «мягкой силы». Однако немаловажно и то, что имеет место полноценный кризис идей – отсутствие у французских властей какой-либо внятной стратегии действий на долгосрочную перспективу. Политика «Франсафрик» при всей ее противоречивости была, по крайней мере, понятной рамкой мышления, системой координат, в которой десятилетиями работали

французские чиновники, военные, эксперты и журналисты. Теперь же эта рамка исчезает, и возникает вопрос, что будет вместо неё, ответ на который должны искать не только официальные лица, но и эксперты-африканисты.

Поэтому интересно взглянуть, предлагают ли они уже сейчас какую-либо альтернативу «Франсафрик» и как оценивают сдвиги, происходящие при Эммануэле Макроне. По объективным причинам сложно установить, какие соображения и в каком ракурсе высказываются в кулуарах, но и по открытым источникам картина получается весьма пёстрая. Не претендуя на формирование исчерпывающего среза мнений, стоит обратить внимание на последнее (преимущественно за 2022–2023 гг.) высказывания экспертов из трёх, возможно, наиболее известных «мозговых центров» Франции – Французского института международных отношений (IFRI), Института Монтеня, Института международных и стратегических отношений (IRIS).

Так, среди публикаций авторов IFRI весьма примечательным выглядит интервью директора этого института Тома Гомара правой газете «Ла Круа», опубликованное в феврале 2023 г. В нём он признал, что поражения в Африке, безусловно, наносят удар по престижу страны. Но если Африка «освобождается» от особых отношений с Францией, то верно и обратное: Париж может с полными основаниями относиться к континенту как к лишь «одному из» многих направлений своей внешней политики. Главная задача для французской дипломатии заключается не в восстановлении утерянного влияния в той или иной точке мира, но в выработке новой иерархии приоритетов как таковой. В рамках этой новой иерархии, по мнению Т. Гомара, первостепенное внимание должно уделяться вовсе не Африке, а Индо-Тихоокеанскому региону, куда сдвигается центр тяжести всех политических и экономических процессов.

Среди других представителей IFRI следует выделить Лорана Бансета и Эли Тененбома. В их докладе в мае 2022 г. высказывались предложения по реформатированию военно-политического присутствия Франции на континенте, включая создание единой командно-штабной структуры, фокусирование исключительно на борьбе с терроризмом, создание сети разведывательных пунктов вместо дорогостоящих баз. Также стоит отметить июньское 2023 г. исследование Алена Антиля и др. с попыткой объяснения феномена антифранцузских настроений: природы их происхождения, глубины проникновения и форм проявления. Основной вывод сводился к тому, что за ними отнюдь не стоят чьи-либо внешние манипуляции, как часто преподносят французские СМИ; эти настроения действительно существуют в африканских обществах, притом с широким охватом населения во многих социопрофессиональных категориях.

Немаловажно, что имеет место полноценный кризис идей – отсутствие у французских властей внятной стратегии действий на долгосрочную перспективу

Говоря о наработках Института Монтеня, следует вспомнить, что ещё в 2017 г. им был выпущен доклад «Готовы ли вы к сегодняшней Африке?» В нём авторы призывали к своеобразному «афрореализму», имея в виду, что прежние схемы на этом направлении работать уже не будут, ведь по сравнению с временами расцвета «Франсафрик» местные страны стали гораздо более самодостаточными и динамично развивающимися. Был высказан призыв сосредоточиться на таких темах, как климат, международное развитие, глобальное финансирование, выстраивание отношений по линии Африка – ЕС (во многом на этих же сюжетах впоследствии делает акцент Эммануэль Макрон в своей африканской политике начиная с речи в г. Уагадугу в ноябре того же года). Кроме того, в коллективе данного Института постоянным обозревателем африканской и, шире, всей внешней политики Франции выступает бывший посол Мишель Дюкло, в своих заметках фиксирующий меняющееся (далеко не к лучшему) место Пятой республики в мировом балансе сил. Со своей стороны, Жонатан Гиффар, оценивая итоги операции «Бархан», не преминул отметить, что французские войска всё же добивались тактических успехов против террористов. Основная проблема, по его мнению, состоит в том, что африканская стратегия Парижа оказалась заложницей борьбы «авторитарных режимов», пришедших к власти в ряде местных государств, против «коллективного Запада».

На площадке института IRIS наиболее подробно африканской политикой Франции занимается приглашённый автор Ниагале Багай-око. В своих выступлениях она неоднократно упрекала руководство

Франции нужно отучиться «давать уроки» африканцам и попытаться перезапустить оставшиеся партнёрства на прагматичной основе

страны за двойственный подход, указывая, например, на то, как французская дипломатия заявляет о желании «говорить со всей Африкой», но на собственные же мероприятия обычно приглашает хорошо подобранных собеседников, которые не будут задавать лишних вопросов. Сам же директор IRIS Паскаль Бонифас согла-

шается с тезисом о падении привлекательности Франции в глазах африканцев во многом из-за её же собственных действий. Более того, по его мнению, французская стратегия в Африке со временем потеряла свою специфику и уже не может предложить ничего принципиально нового по сравнению с другими игроками (в том числе западными). Как отмечал эксперт, комментируя события в Нигере, Франции нужно отучиться «давать уроки» африканцам и попытаться перезапустить оставшиеся партнёрства на прагматичной основе. Однако полный уход из Африки был бы нежелателен.

Отдельной строкой нельзя также не упомянуть обозревателя Рено Жирара, который, пусть формально и не имеет отношения к трём

вышеупомянутым центрам, на страницах газеты “Le Figaro” часто комментирует последние события в африканской политике Франции. В его статьях на протяжении 2022–2023 гг. неоднократно звучали призывы «не поддаваться панике»: автор высказывал убеждение, что у Пятой республики ещё есть рычаги влияния на этом направлении, по крайней мере в сфере мягкой силы, которыми ещё можно воспользоваться. Позиционируя себя в качестве сторонника реалистического взгляда на международные отношения, Р. Жирар подчёркивал, что Парижу необходимо активнее включиться в соперничество великих держав на континенте, тем более что у него есть на это исторические, языковые, экономические и иные основания. «Когда Франция успешна в Африке, это на благо Африке, а когда Африка развивается, это на благо Франции», был убеждён обозреватель.

Таким образом, спектр экспертных мнений по поводу современной африканской политики относительно широк. При некотором упрощении его можно представить как диапазон позиций от призыва к постепенному отдалению от Африки до мнения о том, что за свои интересы на континенте Парижу необходимо бороться всеми оставшимися способами. В целом, это соответствует известному делению французских аналитиков на «атлантистов» и «голло-миттерандистов», которым соответствуют первая и вторая точка зрения соответственно. При этом подавляющее большинство авторов всё равно спорят о частностях: кризис стратегии так или иначе констатируют все, находя для него всё новые и новые причины, выводя из него различные следствия, – но не предлагая действительно новую парадигму.

Иными словами, вопрос о том, что придёт на смену «Франсафрик», остаётся открытым. Президент Макрон пока также предпочитает оперировать лозунгами о перестройке африканской стратегии, нежели предлагать какую-либо рабочую схему этой перестройки. Реальная же роль экспертов-международников в процессе принятия решений (как в африканском досье, так и во многих других) ныне невелика, учитывая единоличный стиль правления действующего хозяина Елисейского дворца и сам режим Пятой республики, относящий внешнеполитические вопросы к исключительным прерогативам первого лица.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ НА АФРИКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ АДМИНИСТРАЦИИ Э. МАКРОНА

Минаев М.В.

Общая конфигурация работы администрации Э. Макрона на африканском направлении оказалась довольно традиционной. Главным органом выступает Африканский отдел Елисейского дворца (Cellule africaine de l'Élysée). Расширять его аппаратные возможности до статуса самостоятельного Секретариата (как это было при Шарле де Голле и Жорже Помпиду) Э. Макрон не стал. В структурном плане отдел входит в состав Дипломатического управления (Rôle diplomatique) Кабинета президента (расположено на улице Фобур-Сент-Оноре в Париже). Формальным начальником советника по Африке выступает дипломатический советник президента Франции (Conseiller diplomatique Président de la République française) Эммануэль Бонн. Он занимает этот пост с 2019 г. Подчинённость советника по Африке дипломатическому советнику стала нормой при Н. Саркози.

При определении формата работы на африканском треке президент Франции Эммануэль Макрон постарался сохранить преемственность.

При определении формата работы на африканском треке президент Франции Эммануэль Макрон постарался сохранить преемственность

Как с точки зрения аппаратной иерархии, так и персональных предпочтений. С момента прихода к власти в мае 2017 г. решающие полномочия в выработке политики в отношении стран Чёрного континента он предпочёл сохранить за собой и своим профильным помощником – советником по Африке (Conseiller Afrique du Président de la République) Франком Пари (Franck Paris).

Назначение Ф. Пари не было случайным: он – карьерный дипломат, специалист по Африке и Европе. Служил в посольстве Франции в Кот-Д'Ивуаре, курировал Центральную и Восточную Африку в центральном аппарате МИДа, работал в постоянном представительстве Франции при Евросоюзе в Брюсселе, где занимался вопросами Африки и военной политикой. В Елисейский дворец Ф. Пари пришёл из Министерства обороны, в котором он с 2013 по 2017 г. занимал пост советника главы оборонного ведомства по Европе и Африке.

С другой стороны, в назначении Ф. Пари на позицию куратора отношений с африканскими странами решающую роль, вероятно, сыграл фактор его давнего личного знакомства с нынешним президентом Франции:

оба – выпускники Национальной школы администрации (École nationale d'Administration, ENA), так называемой энархи. Причём в ENA они учились на одном курсе с 2002 по 2004 г.

Первоначально заместителем Ф. Пари стала Мари Одуар (Marie Audouard). Она заняла пост советника президента по Африке и диаспорам. Так же, как и её руководитель, М. Одуар – карьерный дипломат. Обучалась в ENA с 2006 по 2008 г. В центральном аппарате МИДа занималась отношениями со странами Африки. Кроме того, была сотрудником Директората по стратегическим вопросам, занимала пост референта в Директорате по политическим делам. С 2013 по 2017 г. М. Одуар работала советником в постоянном представительстве Франции при ООН в Нью-Йорке. И с этой должности перешла в Елисейский дворец.

Ф. Пари внёс заметный вклад в разработку макроновской африканской политики. Контуры нового курса Парижа на Чёрном континенте были определены Африканским отделом и утверждены главой государства уже осенью 2017 г. Они нашли отражение в речи Э. Макрона, произнесённой им в столице Буркина-Фасо г. Уагадугу в конце ноября 2017 г. Это выступление, по задумке Елисейского дворца, должно было стать программным – в последующем Африканский отдел, в лице М. Одуар, контролировал реализацию его положений.

Визит в Буркина-Фасо открывал первое африканское турне главы республики, в ходе которого он посетил также Кот-д'Ивуар, Гану и Алжир. Правда, первой африканской страной, в которой Э. Макрон побывал сразу после официального вступления в должность 14 мая 2017 г., стала Мали. Её он посетил уже 19 мая (поездка была во многом связана с продолжавшейся в тот период военной операцией «Бархан»), а затем 2 июля – для участия в саммите сахельской «Группы пяти» (G5 Sahel).

Несмотря на первые успехи советника французского президента по африканской политике и, казалось бы, дальнейший карьерный рост Ф. Пари, развитие событий в Африке поставили под сомнение будущее влиятельного чиновника президентской администрации.

Первые симптомы того, что Африканский отдел Елисейского дворца не справляется с возложенными на него задачами, стали проявляться летом 2022 г. Подтверждением этого стали последовавшие кадровые решения. В октябре 2022 г. свой пост оставила М. Одуар (слухи об её отставке циркулировали с июня). Вместо неё советником президента по Африке и диаспорам была назначена Надеж Шуа (Nadège Chouat). Примечательно, что в Елисейский дворец дипломат перебралась из столицы Мали г. Бамако, где была советником посла Франции по сотрудничеству и культурной деятельности. Н. Шуа – карьерный дипломат, специализирующийся на вопросах культурной и гуманитарной политики. В её профиле – работа в МИДе и Французском агентстве по развитию. В посольстве в Мали Н. Шуа служила с 2020 г. Считается специалистом по межэлитным

Первые симптомы того, что Африканский отдел Елисейского дворца не справляется с возложенными на него задачами, стали проявляться летом 2022 г.

конфликтам и межнациональным противоречиям в странах Сахеля.

Летом 2023 г. последовали разговоры о скорой отставке Ф. Пари. В частности, в июле СМИ распространили сведения о том, что он покинет Елисейский дворец в самое ближайшее время. Официально отставка состоялась в начале августа. При

этом чиновник продолжил свою дипломатическую карьеру. Уже 9 августа 2023 г. Ф. Пари занял пост директора Французского бюро в Тайбэе (Directeur du Bureau français de Taïpei) – неофициального посольства Франции в Китайской Республике (Тайване).

Можно предположить, что отставка Ф. Пари была вызвана системной деградацией позиций Франции в регионе Сахеля и Западной Африке в целом. Одной из ключевых причин стала серия военных переворотов, как в странах Сахеля, так и за его пределами. Все они проходили по схожему сценарию и сопровождалась резким ухудшением отношений данных государств с Францией. В мае 2021 г. военные захватили власть в Мали. В сентябре 2022 г. аналогичные события произошли в Буркина-Фасо. Причём эта страна имела для Парижа символическое значение – именно здесь Э. Макрон выступил со своей программной речью по вопросам отношений с Африкой в ноябре 2017 г. В июле 2023 г. военный переворот состоялся в стратегически важном для Франции Нигере. Наконец, уже после отставки Ф. Пари, в конце августа 2023 г., военные взяли власть в не менее значимом для Парижа Габоне.

В ходе этой череды переворотов Африканским отделом Елисейского дворца был допущен ряд просчётов. Во-первых, ни один из захватов власти военными не был предугадан командой «месьё Африка» (Monsieur Afrique). Во-вторых, ни с одной из пришедших к власти военных групп «елисейские африканцы» не смогли достичь компромисса – прежде всего за счёт отправки в эти страны специальных президентских эмиссаров и переговорщиков, по аналогии с практикой прежних президентов. В-третьих, ни в одном из случаев Ф. Пари не смог инициировать военное вторжение с целью силового дезавуирования результатов переворотов.

Кроме того, команде Ф. Пари не удалось избежать массовой высылки/отзыва из данных стран французских послов, с последующим за этим понижением статуса дипломатических отношений. В начале февраля 2022 г. из Мали был выслан глава дипломатического представительства Парижа Жоэль Мейер. В январе 2023 г. МИД республики был вынужден отозвать посла Люка Аллада. Реальным мотивом для этого стало письмо властей Буркина-Фасо с требованием замены посла, направленное на Кэ д'Орсэ в декабре 2022 г. При этом Уагадугу отклонил предложенного

Парижем сменщика Л. Аллада в лице Мохамеда Буабдаллы, занимающего пост замначальника Директората по политическим делам МИДа. Наконец, в сентябре 2023 г. Нигер покинул глава дипмиссии Пятой республики в этой стране Сильвен Итте. Перед этим он был лишён дипломатической неприкосновенности. На своём месте остаётся пока лишь посол Франции в Габоне Алексис Ламек.

После отставки Ф. Пари претендентами на роль нового «месью Африка» в Елисейском дворце выступали два дипломата – Марк Дидьё и Ирчад Разаали.

М. Дидьё (Marc Didio) – кадровый офицер Национальной жандармерии, в которой прослужил 10 лет. Перешёл на работу в Кэ д'Орсэ в 2009 г. По своей страновой специализации – арабист. Служил в дипломатических миссиях Пятой республики в Катаре, Йемене, Саудовской Аравии, Алжире, Чаде и Кот-д'Ивуаре. В апреле 2022 г. занял должность постоянного поверенного в делах Франции в Мали. Фактически выступил в роли «пожарного дипломата», переброшенного на проблемное направление.

Уроженец Мадагаскара Ирчад Рамиандрасоа Разаали (Irchad Ramian-drasoa Razaaly) начинал свою карьеру в Минобороны, а затем перешёл в МИД. Служил в Африканском директорате, посольстве Франции в Южной Африке. В 2011 г. стал работать в Европейской комиссии, где курировал отношения с африканскими странами. С 2021 г. возглавляет миссию Евросоюза в Гане.

Конкуренция между М. Дидьё и И. Разаали оказалась недолгой и во многом формальной. Уже в конце августа И. Разаали снял свою кандидатуру. Не последнюю роль в таком сценарии сыграла позиция Кабинета президента (Cabinet du président de la République française). Кандидатура М. Дидьё была поддержана Э. Бонном. Установочную встречу с ним провёл и влиятельный А. Колер, оказывающий прямое влияние на кадровые решения Э. Макрона. В то же время, по состоянию на начало ноября 2023 г., назначение М. Дидьё в Елисейский дворец официально не состоялось. Команда президента продолжает затянувшееся изучение фигур возможных кандидатов. А функции куратора африканского направления возложены на Н. Шуа.

В случае возникновения в Африканском отделе кабинета президента связки М. Дидьё – Н. Шуа произойдёт своеобразная «мализация» персонального профиля главного органа политики Парижа на Чёрном континенте. Для обоих дипломатов опыт работы в Мали – самый свежий. Н. Шуа получила назначение в Елисейском дворце непосредственно из французского посольства в этой стране. А М. Дидьё рассматривается в качестве главного претендента на аналогичное назначение.

«АМБИСЬОН-АФРИК» ПРЕЗИДЕНТА МАКРОНА: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ НЕЙТРАЛЬНОСТИ ФРАНЦИИ В АФРИКЕ

Барсукова А.В.

Получив в наследство копившийся в течение многих десятилетий «негативный багаж» африканской политики под названием «Франсафрик» (France-Afrique), президент Макрон в 2018 г. заявил о необходимости перехода к новой африканской стратегии Парижа, которую он обозначил как «Амбисьон-Африк» (Ambition Afrique), а позднее, в 2023 г., подчеркнул главную её особенность – «нейтральность» Франции. Сможет ли макроновская Франция успешно реализовать эту новую политику? Очевидно, что ответ на этот вопрос во многом определит особенности развития самой франкофонной Африки.

Необходимость перезагрузки африканского направления внешней политики Франции стала очевидной для руководства страны ещё в конце XX в. В новом столетии антифранцузские настроения в Африке усилились. Африканцы решительно выступают за укрепление суверенитета своих государств, требуя, в частности, остановить поддержку авторитарных

режимов, сократить военные интервенции, изменить валютную политику. Критические оценки французской политики на Чёрном континенте стали звучать даже со стороны США и ЕС.

Не секрет, что французские инициативы в Африке (особенно военные) в последние годы часто терпели крах. Постепенно стало очевидным, что политика

«Франсафрик» как система функционирует по принципу «эффекта колеи» (path dependence), или зависимости от предшествующего периода, когда развитие программируется на долгое время вперёд и делает невозможным (или очень трудным) отказ от ранее выбранного пути или института, который замедляет или разрушает развитие всей системы.

Тупиковость ситуации усугублялась под влиянием возросшей критики неокOLONиализма в академической и публичной среде – африканскую политику Франции стали анализировать с точки зрения «теории режимов». Согласно этой теории, эффективность существования режима измеряется тем, насколько регулирующие правила и нормы «навязанного порядка» способны влиять на поведение входящих в режим государств.

Необходимость перезагрузки африканского направления внешней политики Франции стала очевидной для руководства страны ещё в конце XX в.

В то же время «успех» режима зависит от того, насколько далеко доминирующее государство может пойти на нарушение режима, если увидит в этом выгоду. Именно перед таким выбором оказалась Франция в третьем десятилетии XXI в.: если не сохранять режим, то что предложить взамен?

Анализируя результаты и эффективность африканской политики своих предшественников, Э. Макрон в начале своего первого президентского мандата осознал необходимость её реформирования и преодоления того самого «эффекта колеи». Его новая африканская политика, напоминая свод результатов проведённой форсайт-сессии (впрочем, качественной), где строилось желаемое будущее и определялись стратегии по его достижению, не случайно получила название Амбисьон-Африк. Тем не менее впоследствии выяснилось, что «амбициозной африканской политике», сформировавшейся под влиянием «материалов форсайт-сессии», не хватило анализа внешних факторов.

Эти недостатки, вероятно, были учтены в начале второго президентства Э. Макрона 2022 г. Так, глава государства в конце февраля 2023 г., перед африканским турне, представил на суд общественности новый вариант «африканской программы», которая отражала «приоритеты и методы углубления партнёрства между Францией, Европой и Африканским континентом». В марте того же года на «Саммите лесов» в Габоне Макрон заявил о новой роли Франции на континенте в качестве «нейтрального собеседника». Взаимоотношения с Африкой стали определяться как «взвешенное и взаимное партнёрство». Новый подход проявился в инициативе Digital Africa, в которой знаком качества должно стать инновационное «Сделано в Африке». Французские инициативы, безусловно, звучат в духе времени и поддерживают сложившиеся внешнеполитические традиции — как общеевропейские, так и французские и даже франкофонные. Акцент на формирование партнёрств вполне оправдан и, вероятно, конструктивен, учитывая имеющееся наследие.

Но что поменялось? Прежде всего, поменялись сами страны Африки. Наряду с ростом собственной идентичности и стремлением к независимости, в африканских странах появились настроения неопанафриканизма. С 2010-х гг. повысилась конкуренция внешних игроков на континенте. Приход (или возвращение) таких государств, как Китай, ОАЭ, Россия, Турция, Бразилия, Индия, США, «новое прочтение» присутствия ЕС на континенте, а также интересы скандинавских стран поменяли расклад сил. В своей стратегии новые игроки активно используют фактор, поменявший современный континент, а именно — рост активного молодого населения, и, как один из результатов этого, — усиление значения социальных сетей в жизни общества и цифрового развития в целом.

Очевидно, что вызовы, с которыми сталкивается африканская политика Парижа, не уменьшатся в период второго президентского мандата Э. Макрона. В вышеупомянутой «теории режимов» много раз рассматри-

Очевидно, что вызовы, с которыми сталкивается африканская политика Парижа, не уменьшатся в период второго президентского мандата Э. Макрона

вались случаи, когда экзогенные и эндогенные факторы останавливали режим. Страны Африки сейчас, вероятно, идут именно этим путём. Исследователи же «эффекта колеи» пытаются проследить закономерности пути от «застывания» в ней до «макроакторности» в мировом развитии. Следуя рассуждениям последних, хо-

чется задаться вопросом, станет ли Франция макроактором на «африканском поле» в ближайшие годы? Или шире – станет ли Африка кластером для различных макроакторов, который будет не только давать возможности развития входящим в него участникам, но и будет постоянно включать в себя новые элементы? В этом отношении необходимость преодоления «эффекта колеи» – это задача не только для многих игроков на просторах современного Африканского континента, но и для самих африканских стран. Для Франции же преодоление этой «колеи» – не столько амбиция, сколько вызов.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СТРАНАХ «ФРАНСАФРИК» – ПОТЕСТАРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИЛИ ПОРОЖДЕНИЕ НЕКОЛОНИАЛИЗМА?

Сальников В.И.

Если проанализировать вооружённые конфликты в странах «Франсафрик» после обретения ими независимости, то стоит обратить внимание на то, что на их возникновение влияют многие факторы. Но если брать фактор трайбализма, который до сих пор играет значительную роль в африканском политическом процессе, то он, по мнению ряда специалистов, уже не является там решающим. Разрушающееся традиционное африканское общество, хотя всё ещё имеет в своей основе трайбалистскую структуру, но в значительной степени подвержено влиянию извне – в том числе и со стороны бывших метрополий, использующих культурные, языковые и конфессиональные факторы в своих интересах. А опыт Франции и «Франсафрик», представляющей собой систему неформальной опеки Франции над своими бывшими колониями и рядом бывших бельгийских

и испанских колоний в Африке, сформировавшуюся в 1960-х гг. в процессе демонтажа мировой колониальной системы, является здесь уникальным.

«Франсафрик» представляет собой сеть неформальных связей между политическими, финансовыми, дипломатическими и военными деятелями Франции и африканских государств, приводящих

в действие скрытый от посторонних глаз механизм реализации французской неоколониальной политики, включающий пропаганду, электоральные манипуляции и фальсификации, экономический контроль, особую монетаристскую и культурную политику, а также подготовку военных и гражданских кадров, способствующие зависимости бывших колоний от своей метрополии. Поощрение коррупции, тайные сделки, закулисные договорённости, подкуп государственных деятелей, политические убийства, организация военных мятежей и прямое вооружённое вмешательство во внутренние дела суверенных государств — всё это стало привычным инструментарием французской тайной дипломатии на Африканском континенте. Широко используются военный корпоративизм и тесные связи между французской армией и рядом военных руководителей африканских государств, часто приводимых к власти при помощи французских спецслужб. Используя обширные сети влияния, Париж навязал бывшим колониям целую серию военных соглашений, большей частью секретных. Когда интересы Франции на Африканском континенте оказываются под угрозой, эта держава не останавливается перед открытым использованием военной силы. К нему прибегают тогда, когда агентурные средства, подкуп, политические убийства, репрессии оказываются недостаточными.

Восемь африканских стран «Франсафрик» связаны с Парижем военными соглашениями, которые вплоть до 2008 г. содержали положения, позволявшие французским военным в случае необходимости вмешиваться в их внутренние дела. Для выполнения жандармских функций в Джибути, Сенегале, Чаде и Габоне размещены французские военные базы. Когда по каким-то причинам Елисейский дворец не хочет использовать армию для решения своих африканских проблем, на помощь приходят наёмники, в том числе и из французского Иностранного легиона, не брезгающие совершать массовые и индивидуальные убийства и устрашать мирное население.

При этом Париж сочетал поддержку одиозных правителей с тем, что потом получило название «управляемого хаоса». И всё это в сочетании с использованием этноконфессионального фактора: привлечение племенных вождей для воспрепятствования социалистическим реформам С. Туре в Гвинее, поддержка сепаратизмов Биафры и Катанги, причаст-

«Франсафрик» представляет собой сеть неформальных связей между политическими, финансовыми, дипломатическими и военными деятелями Франции и африканских государств

В период холодной войны приходилось поддерживать стабильность в странах региона. После её окончания деятельность «Франсафрик» во многом утратила системообразующий характер

ность к геноциду в Руанде, участие в гражданской войне в ЦАР в 2004–2007 гг. и многое другое. И всё для того, чтобы получить или сохранить доступ к эксплуатации африканских природных богатств.

Но если в период холодной войны приходилось хоть как-то поддерживать стабильность в странах региона, то после её окончания деятельность «Франсафрик»

во многом утратила системообразующий характер. После свержения Каддафи, которое произошло не без помощи Франции, территория Северной, Западной и Центральной Африки стала превращаться в очаг турбулентности. Сахель стали называть «Сахелистаном», по аналогии с Афганистаном, где царит региональная нестабильность, процветает «серая» и криминальная экономика, распространяется религиозный фанатизм.

Поскольку неокOLONиализм имеет глобальный характер, как исследователь проблемной государственности, считаю опыт «Франсафрик» по управлению зависимыми территориями и дестабилизации неугодных режимов вполне приемлемым для использования в качестве универсальной объяснительной модели для изучения подобных явлений за пределами Африки — вплоть до исследований политических процессов европейской периферии, по отношению к странам которой уже давно применяются неокOLONиальные методы воздействия и технологии «управляемого хаоса».

ВОЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ ФРАНЦИИ В АФРИКЕ: УЙТИ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ?

Фёдоров С.М.

Военное присутствие Франции в Африке, сложившееся ещё в годы Второй мировой войны, являлось фундаментом для всей африканской политики, проводившейся Парижем в постколониальный период. Силовой компонент стал неотъемлемой составляющей «Франсафрик».

Несмотря на обретение формальной независимости, бывшие колонии Франции в районе Сахеля и Экваториальной Африки представляли собой «хрупкие государства» с неразвитыми партийно-политическими системами, незрелыми властными институтами, не говоря уже о низком

уровне экономики и социального развития. Политической нестабильности нередко способствовали также межэтнические конфликты, унаследованные от колониального прошлого, и проблемы спорных пограничных территорий.

В известной мере, эти молодые государства нуждались в силовой поддержке бывшего сюзерена, который, опираясь на военные базы и сравнительно небольшой военный контингент, мог малыми силами обеспечивать устойчивость политических режимов в странах Западной Африки взамен на лояльность к Франции и обеспечение её экономических и политических интересов. Военное присутствие Франции подкреплялось юридически — договорами о военно-техническом сотрудничестве и помощи, зачастую с секретными дополнениями. Этот своего рода «военно-политический симбиоз», который дополнялся материальной помощью по линии Французского агентства по развитию, «мягкой силой», финансовой зависимостью от бывшей метрополии, позволял в течение почти шести десятилетий проводить политику «Франсафрик», несмотря на её неокOLONиальную сущность и вялые попытки модернизации, начиная с президентства Фр. Миттерана.

Необходимость перемен стала более ощутимой в начале второго десятилетия нового века, когда «арабская весна» и практика силовой смены Западом «авторитарных режимов» привели к дестабилизации ряда стран Ближнего Востока и резкому усилению исламского радикализма. Триггером дестабилизации в районе Сахеля стало силовое свержение М. Каддафи в 2011 г., инициированное Францией (есть подозрения, что в этом был заинтересован лично Н. Саркози), что спровоцировало фактически распад Ливийского государства и как результат — резкое усиление радикальных исламистов в Субсахарском регионе, в первую очередь на Севере Мали. По просьбе малийских властей Франция в 2013 г. решилась на проведение военной операции «Сахель», рассчитывая, вероятно, на быстрый успех в борьбе с вооружёнными группами джихадистов. Однако задача оказалась не из лёгких. В 2014 г. «Сахель» французы переформатировали в операцию «Бархан», расширив число её участников за счёт привлечения спецназа ЕС «Такуба», миротворческого контингента ООН, вооружённых сил созданной к тому времени организации стран «сахельской пятёрки» (S5).

Несмотря на некоторые первоначальные успехи, разгромить отряды джихадистов и тем самым обеспечить контроль над военной ситуацией и безопасность населения в районе соприкосновения границ трёх государств (Мали, Буркина-Фасо и Нигера) участникам операции «Бархан» так и не удалось. Ухудшение социально-экономической ситуации, нерешённые проблемы безопасности в этих странах стали главным фактором сильного роста антифранцузских настроений, что привело в конечном итоге к целой веренице государственных переворотов, напоминающих

«эффект домино» — два переворота в Мали в 2020 и 2021 гг., два в 2022 г. в Буркина-Фасо, перевороты в Габоне и Нигере в 2023 г.

Перевороты в бывших французских колониях происходили и раньше, и не столь уж редко, тем не менее они не вызывали в Париже большого беспокойства. Однако коренное отличие недавних событий в Мали, Буркина-Фасо и Нигере от подобных перемен в прошлом состояло в том, что новые власти этих стран разрывали соглашения о военном сотрудничестве с Францией и требовали убрать французские военные базы с их территории. При этом накал антифранцузских настроений приобрёл невиданные ранее масштабы. В сложившейся обстановке президенту Макрону ничего не оставалось кроме как принять осенью 2022 г. трудное решение о завершении операции «Бархан» и начале вывода французских военных из региона Сахеля. Особенно болезненно французское руководство восприняло требования новых властей Нигера о закрытии крупнейшей военной базы, куда планировали переместить военных, оборудование и технику из Мали. Париж при помощи соседних государств пытался организовать интервенцию в Нигер во второй половине 2023 г. чтобы

восстановить власть свергнутого президента Базума, однако в силу ряда причин от этой затеи пришлось отказаться и, в конечном итоге, согласиться на вывод военного контингента к концу года.

Произошедшие события очень болезненно были восприняты французскими политиками и общественностью

Произошедшие события очень болезненно были восприняты французскими политиками и общественностью, расценившими их не только как провал операции «Бархан» (её бесславное окончание,

напоминало своеобразный «французский Афганистан»), но и как подтверждение острого кризиса политики Парижа в этой традиционной зоне французского влияния. Ответом на критику и упреки в свой адрес стала программная речь президента Макрона 27 февраля 2023 г. накануне его турне по ряду стран Чёрного континента, посвящённая новой африканской стратегии Франции. В ней глава государства уделил первостепенное внимание вопросам будущего военного присутствия Франции в Африке.

Хотя Э. Макрон категорически не согласился с теми, кто считает провальной операцию «Бархан», тем не менее он был вынужден констатировать «некоторое разочарование Францией», так как «мы решили, что справимся с джихадизмом в одиночку, что было не под силу ни одной стране в мире». Президент считает, что Франция не должна выступать в качестве «идеального козла отпущения» в вопросах безопасности и борьбы с джихадистами.

Говоря о новых подходах к вопросам безопасности, Э. Макрон подчеркнул, что Франция «завершает цикл логики силы и военного присутствия», когда многие десятилетия военные базы рассматривались в качестве

«наследия прошлого», как «страхование жизни» режимов, не способных самостоятельно решать проблемы своих стран.

В этой связи Париж считает необходимым перейти на новую модель военного партнёрства, предполагающую снижение численности французских военных и пересмотр работы военных баз. Предполагается, что они будут преобразованы в военные школы, академии по желанию принимающей стороны, с возможностью приглашения к работе других партнёров. По мнению Э. Макрона, перестройка работы военных баз с учётом запросов африканцев в сфере безопасности позволит избежать упреков во вмешательстве во внутренние дела.

Впрочем, реорганизация военного присутствия Франции в африканских странах, по словам президента Макрона, не является «ни отступлением, ни сдачей позиций». После вывода французских военных из Мали, ЦАР, Буркина-Фасо, Нигера, остаются действующими пять военных баз – в Сенегале (350 военных), Кот-д’Ивуаре (900), Чаде (1000), Габоне (350) и Джибути (1500). Особое значение для Франции по-прежнему имеет присутствие военного контингента в Джибути (это база французского спецназа), в стратегически важном районе Африканского Рога. По данным СМИ, на конец сентября 2023 г. общая численность французских военных в Африке составляла 6700 человек.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что неудовлетворительные результаты военных операций «Сахель» и «Бархан», которые длились 9 лет, выявили ограниченные возможности Франции в ведении военных операций средней интенсивности на удалённых театрах военных действий, даже в составе коалиционных сил. Но куда важнее оказались политические последствия. Решение о выводе французского военного контингента под давлением африканцев стало своего рода «лакмусовой бумажкой», демонстрирующей общее ослабление позиций Франции в Западной Африке и, как следствие, необходимость не на словах, а на деле распрощаться с политикой «Франсафрик», в первую очередь в военно-политической области. Тем не менее можно предположить, что, несмотря на неудачи, Париж не собирается свёртывать военно-техническое сотрудничество со странами региона, имеющего важное геополитическое значение для всего ЕС. Хотя Франции пришлось сократить своё военное присутствие в Западной Африке, но ничто не мешает ей вновь вернуться при изменившихся обстоятельствах или предложить новые решения проблем безопасности, например, перенимая удачный опыт частных военных компаний.

Париж считает необходимым перейти на новую модель военного партнёрства, предполагающую снижение численности французских военных и пересмотр работы военных баз

АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ М. ЛЕ ПЕН: ФРАНКОФНИЯ БЕЗ «ФРАНСАФРИК»

Жидкова А.В.

Французская крайне правая партия «Национальное объединение» (НО) с 2011 г. (после смены руководства и приходу на пост лидера НО Марин Ле Пен) выбрала в качестве основополагающего курса стратегию «дедemonизации», нацеленную, в конечном итоге, на встраивание в действующую политическую систему Пятой республики и создание образа политической силы, готовой к реальному управлению. Респектабельность партии в глазах избирателей, очевидным образом, неотрывно связана с процессом постепенной легитимизации и расширения поля непосредственной политической деятельности – и здесь особую роль играет наличие у партии международного признания. В этом плане «дедemonизация» предполагала также избавление НО от образа «партии колониалистов».

Основатель НО Ж.-М. Ле Пен являлся известным сторонником борьбы за французский Алжир, участвовал в военных действиях в Алжире, в Суэцкой операции 1956 г. и в войне в Индокитае, основал организацию «Национальный фронт участников боевых действий» в Алжире. Безусловно, Марин Ле Пен не является продолжательницей колониального дискурса, однако, и ей не чужды достаточно радикальные высказывания. В частности, по её словам, «если речь идёт о необходимости бесконечных актов покаяния, которых требует Алжир, то этого не будет».

В то же время необходимо учитывать, что некоторые националистические требования (принцип национальной предпочтительности, валютный суверенитет, этнодифференциализм), традиционно являющиеся частью идеологии крайне правых, нашли свой отголосок и среди части африканских лидеров, таких как Идрисс Деби Итно или ивуариец Лоран Гбагбо. Неслучайно в 2012 г. конголезцы провели демонстрацию в Париже, скандируя лозунг: «Ле Пен, да! Конго для конголезцев, Франция для французов!», а ивуарийские сторонники Гбагбо проводят ежегодную демонстрацию в Париже 1 мая вместе с НО, которое собирается в этот день, чтобы отдать дань уважения Жанне д'Арк.

О важности африканского вектора во внешнеполитической доктрине НО говорит тот факт, что африканское турне Марин Ле Пен готовилось ещё накануне её первой президентской кампании 2012 г., однако тогда поездка не состоялась. Но уже в 2017 г. Ле Пен посетила Чад, встретившись

с президентом страны Идриссом Деби Итно. А в 2022 г. состоялся визит Ле Пен в Сенегал – данная поездка стала первой после поражения лидера НО во втором туре президентских выборов и мыслилась как перспективный внешнеполитический шаг.

По оценкам французских политологов, такие визиты преследует две цели. Первая заключается в попытке восполнить дефицит респектабельности и уйти от негативного имиджа расистской и ксенофобской партии. Вторая причина связана с поиском дополнительных источников финансирования. В частности, руководство НО не отрицает, что воспользовалось займом в размере 8 млн евро, полученным косвенно из Африки в июне 2017 г., то есть через несколько месяцев после визита Ле Пен в Чад.

Что касается непосредственно содержания внешнеполитической части программы, касающейся Африканского континента, то проблематика Африки во многом рассматривается через призму иммиграционного вопроса. Так, НО занимает достаточно радикальную позицию по вопросу иммиграции из Алжира, выступая за установление условий для любой новой выдачи виз алжирским гражданам, разрешений на перевод средств, приобретения собственности во Франции алжирскими высокопоставленными лицами.

Второй элемент внешнеполитической концепции крайне правых связан с необходимостью покончить с политикой «Франсафрик», которую Марин Ле Пен трактует как систему инфантилизации Африки. В своих выступлениях Ле Пен призывает выйти за рамки концепции помощи в целях развития и перейти к концепции инвестиций в целях развития, способствуя таким образом индустриализации, целенаправленной поддержке сельскохозяйственной деятельности и технологическому подъёму Африки. Конкретные программные предложения НО включают: закрытие французских военных баз на континенте, увеличение инвестиций до 0,7% ВВП, предоставление африканским государствам возможности выхода из валютной зоны франка КФА, продвижение политики франкофонии, которая должна способствовать диалогу в таких областях, как образование, здравоохранение, агрономия, наука и изменение климата.

Подобные заявления хотя и находят поддержку среди части представителей африканской диаспоры во Франции, в настоящий момент не конвертируются в существенный электоральный рост: по итогам выборов 2022 г. за Ле Пен проголосовало лишь 9% избирателей африканского происхождения (для сравнения Э. Макрону отдали голоса 27%, а Ж.-Л. Меланшону – 36%).

Африканское турне Марин Ле Пен готовилось ещё накануне её первой президентской кампании 2012 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События последних нескольких лет, произошедшие в странах Сахеля и Западной Африки в целом, стали наглядным проявлением острого кризиса африканской политики Парижа. Речь идёт о серии военных переворотов, бесславном окончании военной операции «Бархан», которую Франция проводила совместно с ЕС и ООН в течение 9 лет, закрытии французских военных баз и выводе военных контингентов по требованию новых властей Мали, Буркина-Фасо и Нигера, беспрецедентном росте антифранцузских настроений, ослаблении экономического присутствия Франции

Проблемы приобрели системный характер. Для французских властей наконец стало очевидным, что косметическими мерами поддерживать прежнюю африканскую политику, получившую название «Франсафрик» и опиравшуюся во многом на постколониальные привычки и практики, больше не удастся. Кардинально изменилась сама Африка, не желающая жить по-старому. Парижу пришлось всерьёз проанализировать причины и последствия кризиса отношений с франкоязычной Африкой и начать поиски новой африканской стратегии*.

Сможет ли новый подход к выстраиванию франко-африканских отношений восстановить ослабевшие геополитические позиции Парижа в этом важном и перспективном регионе, традиционной зоне французского влияния, являющейся одним из атрибутов французской великодержавности?

Представляется, что в условиях быстроменяющегося мирового порядка, развития полицентричного мира, стремления большинства стран, в том числе африканских, укрепить свой суверенитет, а также возросшей конкуренции за экономическое и военно-политическое влияние в странах Чёрного континента, этот процесс будет непростым и долгим. Он потребует от Франции не только больших усилий и средств, но и прежде всего установления доверительных и равноправных отношений с франкоязычной Африкой.

* См.: Le Partenariat Afrique-France: discours du Président à la veille de son déplacement en Afrique centrale. (<https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/02/27/discours-du-president-de-la-republique-dans-la-perspective-de-son-prochain-deplacement-en-afrique-centrale>) (дата обращения: 01.03.2024);

Rapport d'information sur les relations entre la France et l'Afrique (présenté par les députés M. Bruno Fuchs et MME Michèle Tabarot) (https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_afetr/116b1841_rapport-information#) (дата обращения: 01.03.2024).

Авторы

Барсукова Анна Владимировна, к.и.н., заместитель проректора НИУ ВШЭ

Брегадзе Александр Вадимович, к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке

Жидкова Александра Васильевна, к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН

Зверева Татьяна Вадимовна, д.полит.н., г.н.с. ИАМП Дипломатической академии МИД РФ, профессор Факультета мировой экономики и политики ВШЭ (У)

Минаев Максим Викторович, к.полит.н., с.н.с. ИСКРАН

Наумова Наталья Николаевна, к.и.н., доцент Исторического факультета МГУ

Обичкина Евгения Олеговна, д.и.н., профессор кафедры МО и ВП РФ МГИМО МИД России

Рубинский Юрий Ильич, г.н.с., д.и.н., профессор, руководитель Центра французских исследований ИЕ РАН

Сальников Вячеслав Иванович, к.и.н., доцент, руководитель сектора проблемной государственности и новых территорий ИАЦ «Большая Евразия», Воронежский государственный университет

Фёдоров Сергей Матвеевич, к.полит.н., в.н.с. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН

Чихачев Алексей Юрьевич, к.полит.н., старший преподаватель Кафедры европейских исследований СПбГУ, научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов ИМИ МГИМО МИД России

www.instituteofeurope.ru